

Лиана Рут

ГОЛОСА ИЗВНЕ ОНИ УЖЕ ТУТ

Кто сможет их остановить?

Любимые герои. Истории

Лина Рут

Голоса извне. Они уже тут

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рут Л.

Голоса извне. Они уже тут / Л. Рут — «Издательство АСТ»,
2025 — (Любимые герои. Истории)

ISBN 978-5-17-184152-2

Привычная жизнь начинает трещать по швам, когда эксперимент в НИИ «Прометей» выходит из-под контроля. Они начинают проникать в наш мир, и теперь каждый человек находится в опасности. Саша был обычным подростком. По крайней мере, ему так казалось. В последнее время вокруг него происходит слишком много странностей, и он сам... Нет, это невозможно. Маленький закрытый городок оказывается в центре мистических событий. Саше и его друзьям предстоит разобраться в происходящем и спасти жителей города. Но кто спасет их самих? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184152-2

© Рут Л., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Акт 1	8
Глава 1	11
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лина Рут

Голоса извне. Они уже тут

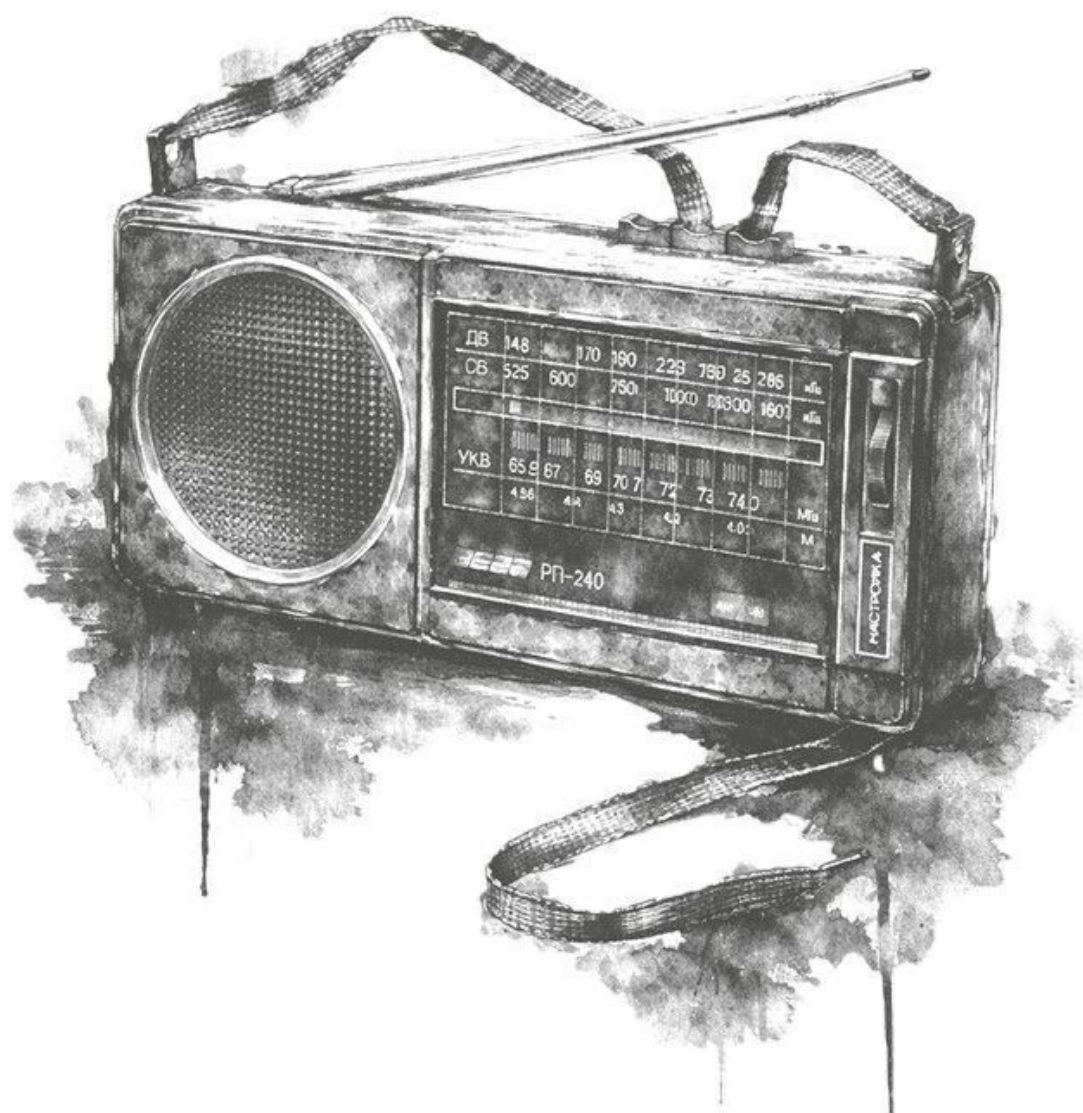
(с) ООО «Издательство АСТ», 2026

(с) Лина Рут, 2026

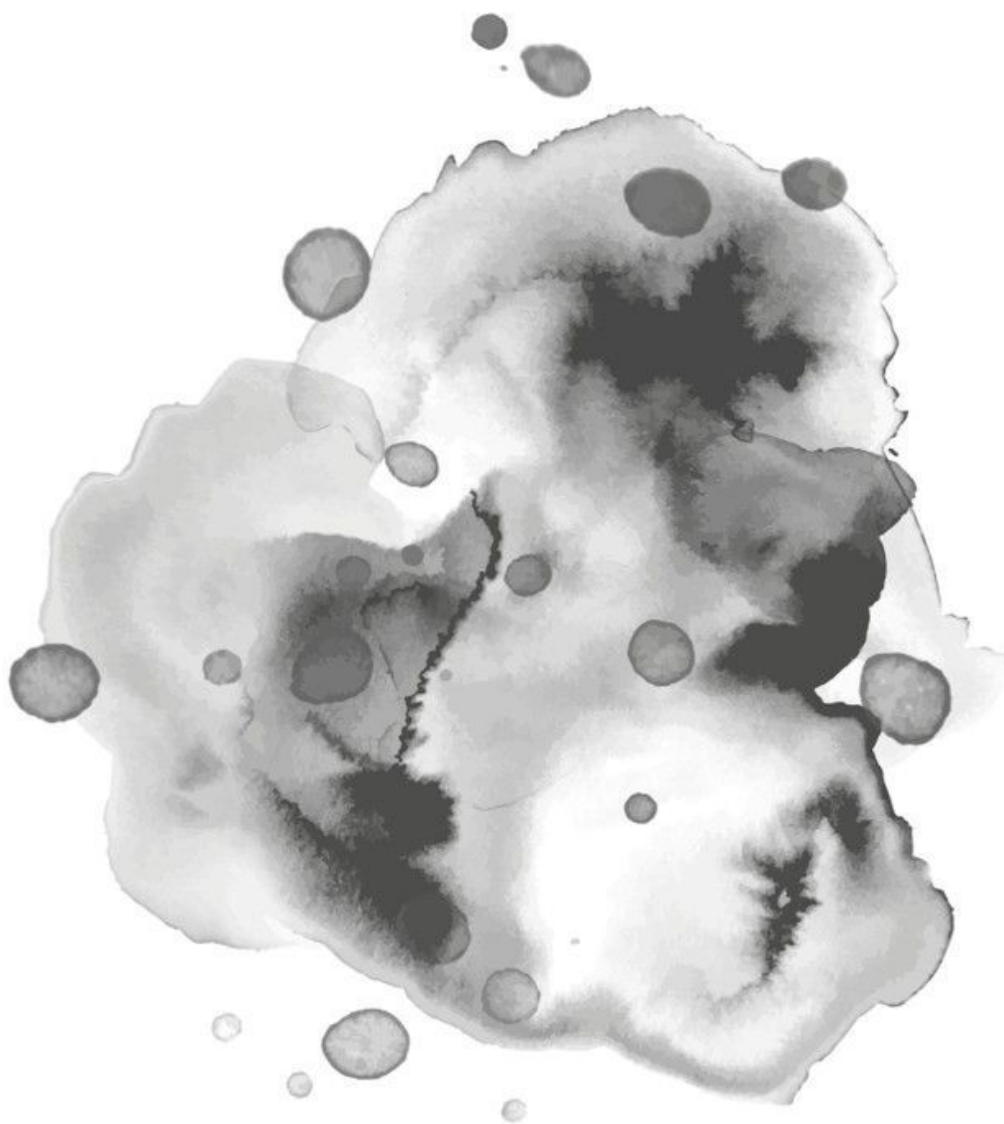
(с) Ксения Овчинникова, иллюстрация на обложке, 2026

(с) Арина Качуренко, иллюстрация в блоке, 2026

В оформлении использованы материалы, предоставленные (с) Shutterstock/FOTODOM

ты тоже их слышишь?

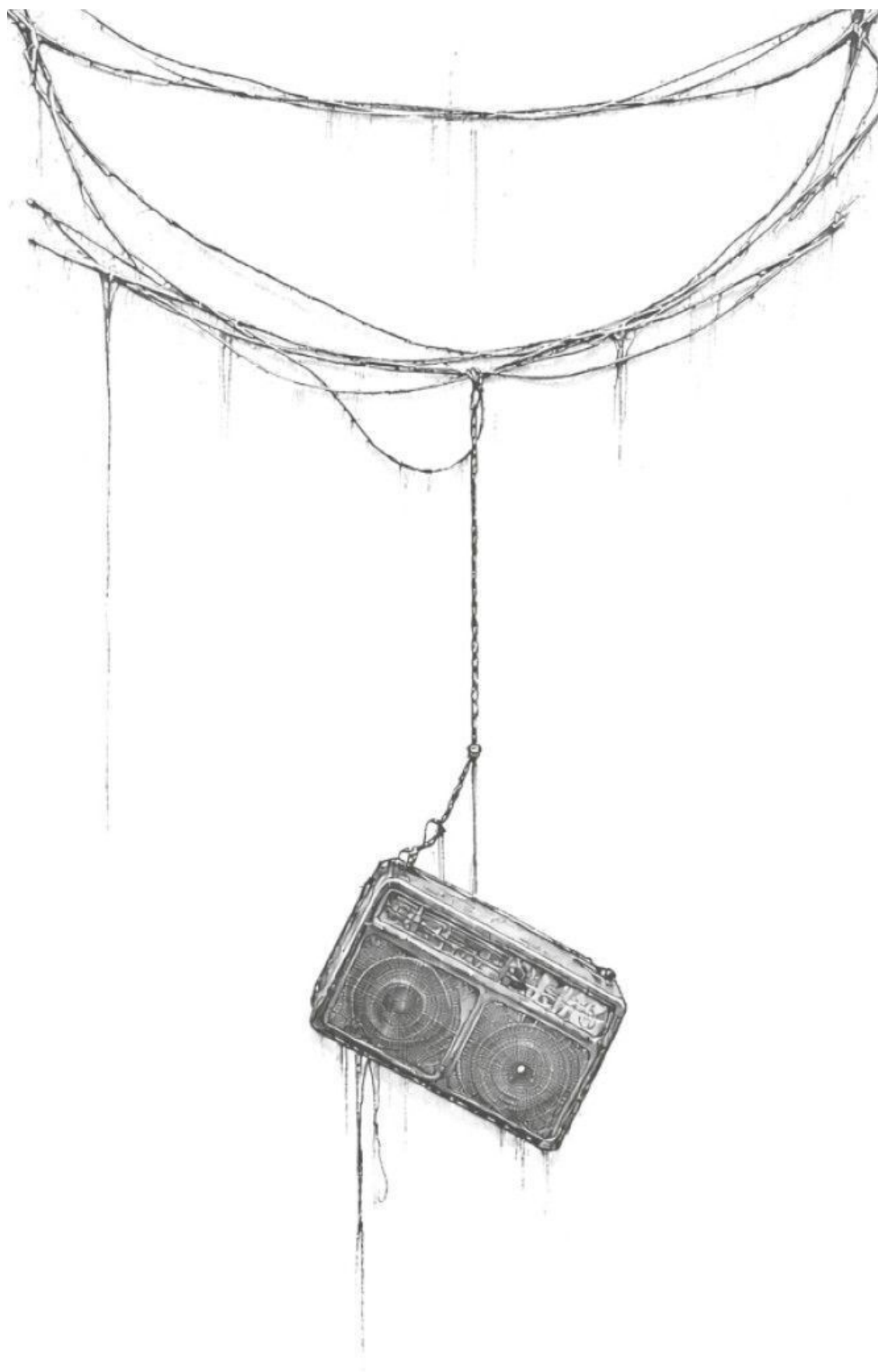

Объект:???

Данные:???

Агрессивное поведение. Исследование объекта приостановлено.

АКТ 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ «ПРОМЕТЕЙ», г.
ПАВЛОВСК-17

АКТ № 247/Х

о проведении и результатах полевых испытаний акустического излучателя РГ-8 («Резонанс»)

от 15 октября 1981 г.

1. Цель:

проверка когерентности и фокусировки излучения установки РГ-8 в полевых условиях, оценка поражающего эффекта на удаленной мишени (подопытные животные, закрепленные в контрольных точках полигона, дистанция до 1500 м).

2. Условия проведения:

Полигон «Северный», 5 км от г. Павловск-17. Погодные условия: туман, температура +5 °С, влажность 98 %, гроза с высоким уровнем атмосферной ионизации. Условия признаны нештатными, но испытания санкционированы главным руководителем (Протокол № 142-с).

3. Ход испытаний:

12:30: запуск генераторов. Наблюдается нестабильная работа 3-го контура (флуктуации в пределах 0,7 %). Решение: продолжить испытания.

12:40: включение излучателя на 70 % мощности. Цель: создание «частотной гребенки» (протокол «Вихрь») – одновременная генерация 7 близлежащих частот в диапазоне 18,5–19,2 Гц для создания эффекта резонансного усиления.

12:43: резкий скачок потребления энергии. Самопроизвольный переход излучателя на максимальную мощность. Система безопасности № 2 не сработала.

12:44: в точке, отличной от расчетной цели (приблизительно в 800 м к северо-западу от мишени), зафиксирована аномальная пространственно-временная рефракция. Присутствует визуальный эффект «разрыва» воздушной среды диаметром около 2 м. В области аномалии зафиксировано локальное падение температуры и скачок радиационного фона. Вероятно резонансное поглощение звуковых волн средой.

12:45: в области аномалии зафиксировано появление неизвестных биоматериальных структур. Вероятна связь с появлением аномальной рефракции.

12:47: аварийное отключение. Аномалия частично стабилизирована, но не ликвидирована. Объекту присвоено наименование «Разлом».

4. Потери личного состава:

Радиус 0–50 м от эпицентра: 12 человек. Мгновенная смерть, вызванная массивной баротравмой (в жидких средах организма, вероятно, произошла кавитация¹).

Радиус 50–150 м: 8 человек. Тяжелые травмы: разрыв барабанных перепонок, субарахноидальные кровоизлияния, переломы костей от

¹ Кавитация – физический процесс образования пузырьков (пустот) в жидких средах, с последующим их схлопыванием и высвобождением большого количества энергии.

воздействия ударной волны. Из них выжило 3 человека (см. Приложение 2 «Наблюдение за пострадавшими»).

Радиус 150–200 м: 15 человек. Временная потеря слуха, контузия, тошнота, слабость. У некоторых впоследствии развились необъяснимые нейрофизиологические отклонения (см. Приложение 2).

5. Первичные попытки ликвидации объекта «Разлом»:

16.10.1981. Подрыв заряда (50 кг тротила) на дистанции 5 м от аномалии. Результат: кратковременное (на 3 секунды) видимое сжатие объекта с последующим увеличением диаметра на 15 %.

22.10.1981. Попытка «заглушить» аномалию противозвучным акустическим сигналом. Результат: неудача. Излучатель РГ-8 вышел из строя, объект «Разлом» проявил признаки резонансной нестабильности (пульсация с частотой 0,5 Гц).

05.11.1981. Предложение о бетонировании отвергнуто: объект может «просачиваться» сквозь физические барьеры (зафиксировано появление идентичных микроразломов в радиусе 20 м от основного).

6. Результаты:

Город Павловск-17 и НИИ «Прометей» сохраняют особый режим безопасного функционирования. Полигон «Северный» переходит на режим полной изоляции. Попытки ликвидации объекта «Разлом» приостановлены. Для изучения аномалии сформирована рабочая группа.

Любая информация об инциденте подлежит засекречиванию с присвоением грифа «Совершенно секретно».

Подпись:

Главный инженер НИИ «Прометей» Колосов А. Д.

Глава 1

Очень важная игра

1989 год.

Над Павловском-17 светило теплое сентябрьское солнце. В этом городе, не отмеченном ни на одной карте, люди жили своей странной, особенной жизнью. Их окружали густые леса, среди которых прятался забор с колючей проволокой. На единственной асфальтовой дороге, ведущей к городу, гордо стоял КПП. Сюда не доносился ветер перемен, обуявший Москву. Здесь пахло хвоей и бетоном. А еще – тайной.

Жители города знали этот запах с пеленок. И твердили друг другу при каждом удобном случае: «У нас особенный город. А почему он особенный – об этом мы вопросов не задаем».

Местные дети тоже знали, что лишних вопросов взрослым задавать не стоит. Для них Павловск-17 все равно оставался домом. Со скромными хрущевскими пятиэтажками, извечно покрашенными в тусклые цвета. С дворами, где ржавые горки и турники всегда соседствовали с аккуратными клумбами. С колоннами Дома культуры и трибунами вокруг стадиона.

Сейчас тринадцатилетний Саша совершенно не думал о городских секретах. Запыхавшись, он тяжело дышал и крепко прижимал ладонь ко рту, пытаясь стать тише. Сердце колотилось о ребра загнанной птицы. В горле пересохло от долгого бега с открытым ртом. Футболка на спине ощутимо взмокла от пота.

Из-за угла слышались голоса, топот и смех. Саша изо всех сил вжался в кирпичную стену гаража. «Казачки» приближались. Их опять играло больше, и атаманом, как обычно, был Женька Соколов, парень на пару лет старше Саши. Всего два года разницы, но пропасть между ними казалась непреодолимой.

Женька – смелее, наглее, увереннее. А Саша...

– Эй, Сашка, – окликнули громким шепотом из-за забора напротив, – они ушли?

Саша аккуратно выглянул из-за угла. «Казачки» свернули немного раньше и теперь мчались в другую сторону, то и дело подгоняя друг друга звонкими воплями. Саша с облегчением выдохнул и сполз по стене, вытирая пот со лба. Адреналин бурлил в крови. Играть с бандой Женьки всегда было страшно. Азартно – да, но все-таки страшно. И почти наверняка больно.

За забором слышалась тихая возня, и в щели между досок появилось обеспокоенное лицо Витьки. Невысокий и коренастый, обычно он дольше всех из «разбойников» оставался на свободе. Хотя в прошлый раз все-таки попал в плен. Но держался он долго и загаданное слово не говорил до последнего, поэтому на его шее до сих пор виднелись следы от «пытки» крапивой: ярко-красные полосы, которые наверняка очень сильно чесались.

– Тише! – шикнула в ответ Кира, высываясь из буйных, никем не стриженных кустов смородины. Из ее рыжих волос, кое-как собранных в хвост, торчали зеленые листья. – А если они оставили здесь кого-то? Поймают сразу всех троих!

Витька поджал губы, но умолк. Кира всегда говорила прямо, без обиняков. А проигрывать действительно не хотелось. Ребята играли втроем против Женьки уже не впервые, но так ни разу и не выиграли. Что бы они ни делали, где бы ни прятались, сколько бы ни старались, рано или поздно слово-пароль все равно становилось известно «казакам».

Чаще всего, конечно, признавался сам Саша.

Из-за жалости к упрямо молчавшим друзьям, из-за жгучей боли от крапивы, из-за обидных до слез унижений... Саша не мог похвастаться силой воли и терпением. Он просто хотел, чтобы игра не заходила слишком далеко, и был готов проигрывать снова и снова, лишь бы все остановилось. Каждый раз, сидя в «темнице», Саша мысленно клялся себе, что больше никогда не согласится быть «разбойником».

Но потом друзья звали играть снова – и все начиналось сначала.

А отдать роль «казаков» Женька никогда бы не согласился. Он ведь сын директора научно-исследовательского института, куда ему! Дети тех, кто занимал высокие должности в городе, всегда задирали нос. Остальные делились на тех, кто с ними водился, и тех, кто старался не попадаться им лишний раз на глаза. Компания Саши, Киры, Вити и Светы была редким исключением – они не стали ни элитой, ни шестерками.

Но был один нюанс.

Сашу считали странным. Родители заставляли его пить какие-то таблетки – «витамины», – якобы для укрепления здоровья. Но эти препараты делали Сашу немного неловким, пугливым – и этого хватило, чтобы ребята в школе стали дразнить его и обзывать чудилой.

Саша, хоть и расстраивался поначалу, уже давно смирился. Чего нельзя было сказать о его друзьях: Кира, с ее острым языком и готовностью дать сдачи, и Витька, с малых лет занимающийся боксом, постоянно вставали на защиту Саши. Обидчики замолкали, отступали, иногда – даже извинялись. Но нападки не прекращались. Из явных оскорблений они переросли в косые взгляды, шепот за спиной и украдкой сделанные подлости.

Света, тихая и застенчивая, в стычках вообще старалась не участвовать, поддерживая Сашу лишь взглядом и робкой улыбкой. Их маленькая компания держалась особняком. Кира, Света и Витька платили за свою верность социальной изоляцией, но бросить своего – того, кто не мог постоять за себя в одиночку, – для них казалось совершенно невыносимым. Это был их негласный кодекс.

Игры с Женькой стали частью сложной системы. Прямой отказ от участия мог привести к более худшему положению вещей: Женька наверняка воспринял бы это как личное оскорбление, и тогда его банда перешла бы от игр к жестокой травле, с порчей вещей, избиением и прочими «недетскими» методами.

Игра – хоть и в невыгодных условиях – превратилась в своеобразный ритуал, договор. Она контролировала агрессию Женьки, давала ему удовлетворение от легкой победы и чувство власти. А Сашина компания получала взамен временную, хрупкую безопасность.

Витька каждую игру воспринимал как шанс – пусть даже призрачный – переиграть Женьку по его же правилам и сломать систему. Для Киры это стало войной на истощение: она ненавидела проигрывать, но еще больше ненавидела идею, что Женька может диктовать, с кем им общаться, а с кем нет. А для Саши это была тяжелая, унижительная повинность. Он соглашался из страха и чувства вины, переживая за друзей. Чтобы не подвести тех немногих, кто остался на его стороне.

В конце концов, ему просто нужно было перетерпеть. Снова и снова. Из раза в раз.

Саша перевел дыхание и судорожно огляделся. Сидеть здесь или спрятаться где-то еще? Зашуршали кусты сбоку, скрипнул забор – друзья поспешили сменить место. Как всегда, они приняли решение быстро. Нужно было просто не отставать.

Саша прикрыл глаза, пытаясь думать, а не паниковать. Он проходил по этому двору сотни раз. В том узком переулке у дальнего заброшенного сарая, он когда-то нашел в груде хлама почти целый приемник «Рига-103». Плата оказалась цела, не хватало лишь динамика и батареек. Саша тогда целую неделю таскался сюда, пытаясь отремонтировать приемник, но почему-то тот так и не заработал.

Чинить технику Сашу научил отец. Однажды он привел сына в гараж, показал двигатель от «Москвича», чтобы тот понял, как все устроено. Отец давал Саше смотреть на цветные провода, на аккуратные ряды транзисторов на плате от какого-то прибора. Его мир был миром порядка, где у каждой детали было свое место и функция. Саше это нравилось. Везде соблюдалась строгая закономерность. Шестеренки запускали друг друга и всегда работали сообща. Совсем не как в жизни, где Саша чувствовал себя лишним винтиком, который не вписывается в общий механизм.

Техника его не подводила. Она либо работала, либо нет. А если не работала, всегда можно было найти причину.

С людьми так не получалось. С самим собой, впрочем, тоже.

От отца Саша перенял и любовь к радио. Он мог часами сидеть у приемника, замороженно внимая радиоспектаклям. В шипении эфира рождались целые миры: отважные капитаны, хитрые сыщики, говорящие звери. Сюжеты были идеальными и предсказуемыми – в отличие от реальности.

Друзья этого не понимали. Кира не выносила долгого сидения на месте. Витька предпочитал бокс – там все куда проще, сила против силы. Лишь Света соглашалась послушать, но ее вкусы слишком отличались: она обожала любовные истории. А Саша старался их избегать, потому что сюжеты в них часто казались ему нелогичными, а герои вели себя так, что он мучительно краснел и иногда вообще был готов от неловкости провалиться сквозь землю. Ему больше нравились приключения: проблемы там решались не вздохами и слезами, а действиями.

«Вот именно – действиями», – мысленно одернул себя Саша, встряхнув головой. Слишком уж он замечтался. Нужно скорее сменить место – например, добраться до гаража и спрятавшись за грудой старых шин. Может, туда никто и не заглянет.

Осторожно выглянув из-за угла, Саша осмотрелся и рванул вглубь двора, к тупику, где стояли два покосившихся гаража. Под ногами хрустнула крошка битого кирпича. Саша юркнул в узкий темный проход между гаражом и глухим забором, и на него пахнуло прохладой, сыростью и влажной землей.

Вдруг взгляд, привыкший к полутьме, зацепился за кучу хлама. На старом, проржавевшем приемнике, который он так и не починил, горел зеленый глазок – индикатор питания.

Приемник был мертв, без батареек, отключен от сети. Но маленький светодиод горел – тускло, неровно, мигая будто в такт пульсу, но все-таки горел.

Саша замер, не веря своим глазам. Он потянулся к приемнику, позабыв о погоне, – и из заляпанной грязью ржавой решетки пополз шум помех.

И вдруг стена забора перед Сашей потемнела. Он медленно поднял глаза. Огромная чернильная клякса расплзлась по кирпичам, пропитывая их насквозь. Очертания стены поплыли, по ним пошла рябь, и Саше вдруг почудилось, что эта клякса тянется к нему. Но он не чувствовал привычного страха. Нет, это был ледяной ужас. Оцепенение, которое не давало ему даже отвести глаза. А шипение приемника становилось все громче и громче...

– Ага, попался!

Сильная рука больно вцепилась ему в плечо и дернула на себя. Саша вскрикнул, дернулся – реальная боль вывела его из оцепенения. Он обернулся – но сзади стояла лишь ухмыляющаяся банда Соколова. Тогда Саша снова посмотрел на забор, но увидел там лишь потрескавшиеся кирпичи и грязь.

Никаких поплывших стен. Никакой кляксы.

Саша опустил глаза – но радиоприемник тоже молчал. А индикатор потух, словно и не горел вовсе. Так ведь себя ведут нормальные приемники без батареек?

– Чего застыл, Шурик? – снова дернул его за плечо Женька. – Шуруй давай! – Он засмеялся, довольный игрой слов, и парни рядом загоготали, подхватывая его смех.

Саша поджал губы. Вот они, верные «казаки»: Серый (сын начальника охраны, с кривым носом и парой выбитых зубов) и Длинный (вечно гнусавящий, тощий сын инженера). На их фоне Женька выглядел еще круче. Высокий – на голову выше Саши. Широкий в плечах, с насмешливым прищуром и модной короткой стрижкой.

– Да он, наверное, голоса какие-то услышал, – фыркнул Серый. – От этих своих таблеток. Чудила.

Лицо Саши пошло красными пятнами, жар залил шею.

Он ничего не ответил – только опустил голову, позволяя себя вести. Это игра. Всего лишь игра. Но та тень, тот звук... Они казались такими же реальными, как и лица, смеющиеся над ним.

– Ладно, веди его, – кивнул Женька Серому.

Тот перехватил Сашу под локоть, и маленькая процессия двинулась вперед.

«Темницей» служило полузаброшенное бетонное строение – бывший трансформаторный пункт на задворках школы. Его давно не использовали. Дверь сорвали и все, что можно было, растащили, так что теперь внутри осталась лишь пыль. Если, конечно, не считать осколков стекла и горстки опилок в углу.

Свет проникал внутрь только через маленькое окошко с ржавой решеткой под самым потолком. И еще через открытый дверной проем, но внутри, в глубине, все равно царил полумрак. Воздух стоял неподвижный, пахнувший пылью и чем-то кислым – то ли плесенью, то ли какими-то химикатами.

Внутри уже стояла Кира. Видимо, ее успели поймать немного раньше него. Еще двое «казаков» – не самые близкие приятели Женьки – держали ее. Не связывали, но стояли так близко, что вырваться было невозможно.

Вся взъерошенная, Кира выглядела совершенно безумно: несколько прядей рыжих волос выбились из хвоста и прилипли к потному лицу, на щеке темнела росчерком грязь. Но Саша знал, что без боя Кира никогда не сдастся. И верно – под глазом одного из парней наливался цветом свежий синяк, на руке другого виднелись свежие следы от зубов.

Даже сама поза Киры говорила о том, что она не смирилась, не подчинилась и не сдалась: она стояла, чуть отклонившись назад, с вызовом запрокинув голову, и ее зеленые глаза метали молнии.

– Отлично, второго доставили! – весело провозгласил Женька, вталкивая Сашу внутрь. Тот чуть не упал, споткнувшись о торчащую из-под пола железку, но устоял. – Компания собирается.

Кира бросила на Сашу быстрый, оценивающий взгляд. «Держись?» – словно спрашивала она. Тот кивнул, стараясь казаться спокойным.

– Ну что, «разбойнички». – Женька потирал руки, расхаживая перед ними. – Правила знаете. Мы вас нашли. Теперь – «допрос с пристрастием». Но вы, конечно, можете его избежать. Кто скажет слово?

Тишина была ему ответом. Саша сделал глубокий, медленный вдох и выдох. Кира скосила глаза на Сашу, потом снова уставилась на Женьку, точно пытаясь прожечь его взглядом. Губы ее оставались плотно сжатыми.

– Молчите? Тоже мне, герои, – фыркнул Женька. – Ну ладно. Начнем с тебя, Кирюха. Ты у них, наверное, самая стойкая.

Он шагнул к ней. Его ребята отступили на шаг, освобождая место. Один протянул Женьке гибкую, длинную веточку ивы. Тот принял ее с деланой серьезностью.

– Стандартная процедура, – словно оправдываясь, сказал он Кире. – Щекотка до признания.

Кира не ответила, все так же глядя на него в упор.

Женька провел кончиком ветки по ее шее, чуть ниже уха. Кира дернула головой, но не засмеялась. Ее лицо исказила гримаса брезгливого отвращения.

– Придурок, – процедила она сквозь зубы.

– Ага, уже что-то, – усмехнулся Женька, начиная водить веткой по внутренней стороне запястья, где кожа особенно тонкая. – Скажешь слово – прекратим.

Кира зажмурилась, стиснула зубы. Ее тело напряглось, по плечам пробежала мелкая дрожь. Она не смеялась – она терпела изо всех сил.

Саша отвел глаза. Он не мог равнодушно смотреть на это. Будь его воля, сказал бы заветное слово прямо сейчас, – но Саша знал, что Кира не оценит такой поступок. Это делало игру бессмысленной.

А еще Саша знал, что Женьке скоро надоест. Что он злится. Потому что никогда не получит ту реакцию, которую хочет увидеть.

– Ладно. – Женька отбросил ветку и скрестил руки на груди. – С тобой скучно. Эй, ты! – Он повернулся к Саше, и его глаза зловеще сверкнули. – Твоя очередь.

Серый и Длинный тут же перехватили Сашу. Он почувствовал, как руки заламывают за спину. Немного больно, но терпимо.

Сейчас будет больнее.

– Ну? – Женька стоял прямо перед ним. – Говори слово. Последний шанс до того, как я возьму крапиву.

Саша молчал, тупо глядя на него. Казалось бы, вот он, момент, которого Саша так ждал, – самое время сказать слово и закончить эту ужасную часть игры. Но в голове до сих пор слабо гудело, мысли не складывались в слова. Язык не поворачивался во рту.

Может, так даже лучше? Может, они наконец выиграют?

– Подождите, – внезапно произнесла Кира. Ее голос звучал хрипло, но твердо. – Я с ним поговорю.

– Чего? – не понял Женька.

– Уйдите ненадолго. Я уговорю его сказать слово. Вы же видите, он не в себе.

Женька удивленно уставился на нее. Потом покосился на Сашу. В его глазах мелькнул интерес.

– Хорошо, – он махнул рукой. – Три минуты. Попробуй. А мы пока Витьку поищем.

Он вышел, за ним потянулись Серый и Длинный, напоследок бросив на пленных насмешливые взгляды.

Кира шагнула к Саше.

– Саш, – тихо, но резко сказала она. – Что с тобой? Лицо бледное, глаза безумные какие-то. Ты там что, головой ударился?

– Да нет. – Саша сглотнул. – Там... там просто что-то было. У сарая. Я прятался, а потом увидел...

– Что-то? – Брови Киры поползли вверх.

– Радио само заработало. Сломанное радио. Понимаешь? Я раньше пытался его починить, но оно не работало, точно тебе говорю! А теперь... И еще тень. Не моя, другая. Она как-то странно двигалась.

Кира озадаченно посмотрела на него.

– Понятно, – вздохнула она. – Слушай, они сейчас вернуться. Им надо узнать слово. И если ты расколешься, потому что тебе мерещится всякая ерунда, мы проиграем. Опять. И получится, что Витька зря столько прятался и бегал. Ты этого хочешь?

Саша покачал головой. Нет. Он не хотел подводить Витьку.

– Тогда держись. – Кира положила руку ему на плечо и ободряюще сжала. – Это всего лишь Женька. Он идиот. А с твоими теньями потом разберемся.

В этот момент снаружи донесся крик, яростный и отчаянный:

– Пусти!

– Держи его!

– Отстань, придурок!

Послышалась возня, глухой звук падения, короткий, сдавленный стон. И вскоре в дверном проеме, грубо подталкиваемый, появился Витька. Из его носа шла кровь, а на локте и колене алели свежие ссадины. Его лицо побагровело от злости и унижения. За ним, сияя от победы, вошли Женька, Серый и Длинный.

– Наконец-то полный комплект! – радостно объявил Женька. – Значит, игра окончена. Вы проиграли. Но! – Он поднял палец. – Слово мы так и не услышали. Поэтому продолжаем. Начнем с самого слабого звена.

Женька снова шагнул к Саше. Тот посмотрел на Витьку: друг глядел на него с отчаянной надеждой. У Саши что-то перевернулось в животе. Он не выносил такой ответственности. Он ненавидел чувствовать себя трусом. Он тоже, как и Кира, и Витька, мечтал выиграть. Хотя бы один раз!

Но Саша очень устал. Он хотел, чтобы это все кончилось. Хотел домой, в тишину своей комнаты, где есть только паяльник, транзисторы и понятные схемы, где нет этих пристальных взглядов, этого смеха и давящей темноты будки.

– Ну? – Женька наклонился так близко, что Саша ощутил сладкий запах его жевательной резинки. – Последний раз спрашиваю по-хорошему.

Саша опустил голову.

– Альтаир⁴, – прошептал он еле слышно, не поднимая глаз.

– Чего? Громче скажи!

– Альтаир! – выкрикнул Саша, до боли сжимая кулаки.

На миг повисла тишина. Потом банда разразилась оглушительным взрывом хохота.

– «Альтаир», ну надо же! Опять звезды какие-то? – Женька выпрямился, утирая с глаз слезы. – Могли бы и поинтереснее что-нибудь придумать. Ну все, ладно, «разбойнички», свободны.

Он, повернувшись, вышел, на ходу пожимая руки своим верным «казакам». Серый и Длинный, хихикая, последовали за ним.

В будке воцарилась гробовая тишина.

Первым нарушил ее Витька. Все еще тяжело дыша, он подошел к Саше и тихо сказал:

– Ты мог хотя бы попытаться. Мы бы продержались. Может, им бы надоело, они бы сдались.

Саша зажмурился, еще ниже опуская голову. Каждое слово резало как ножом.

– Вить, он не в себе был, – негромко вступилась Кира.

– Что значит «не в себе»? – резко обернулся Витька. – Меня трое поймали, я отбивался! А он... он просто сдался. Опять. Зачем тогда вообще играть?

Саша молчал, боясь открыть глаза. Они проиграли. Из-за него. Или, может, из-за этого дурацкого видения, но какая вообще разница? Все равно виноват именно Саша.

Лучше бы Витька кричал. Лучше бы ударил его. Это было бы справедливо.

– Пошли, – наконец сказала Кира устало. – Здесь воняет.

Они вышли на улицу. Солнце уже клонилось к лесу, освещая кроны деревьев теплым светом. Победителей поблизости не оказалось – Женька и его компания, видимо, отправились праздновать триумф.

Проигравшие шли молча. Витька, сгорбившись, впереди, Кира рядом с Сашей. У крыльца школы к ним присоединилась Света – тихая девочка в слишком большом для нее вязаном кардигане. Она такие игры не любила: бегала плохо, а драться не умела и очень боялась. Но зато всегда дожидалась и подбадривала после проигрышей.

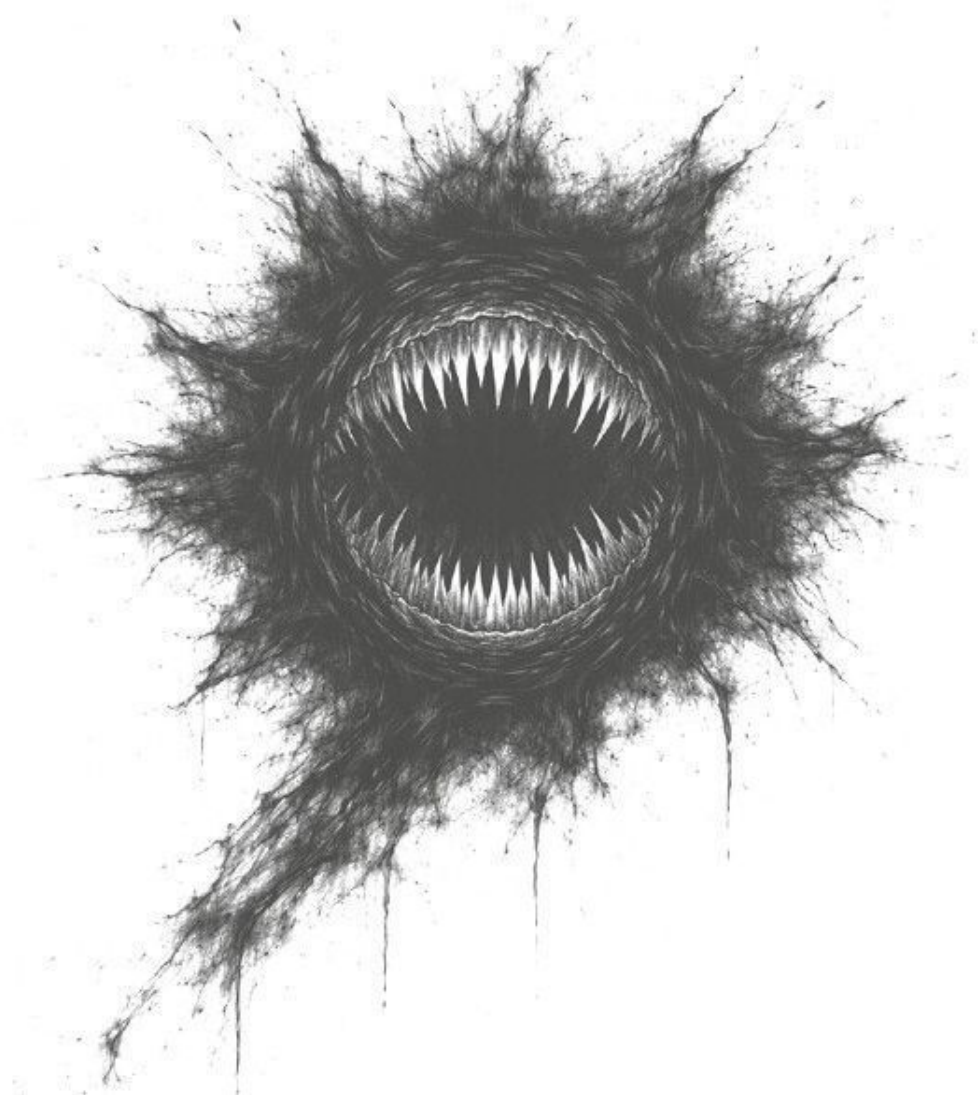
Вот и сейчас Света робко улыбнулась, поравнявшись с ними. Но улыбка померкла, стоило ей разглядеть их лица.

– Женька опять выиграл, – хмуро пробормотал Витька, потирая ссадину на локте.

– Да ладно тебе, – тихо пробормотала Кира, рассеянно приглаживая волосы. – Проиграли и проиграли. В следующий раз точно отыграемся.

⁴ Альтаир – самая яркая звезда в созвездии Орла и 12-я по яркости звезда на небе.

Но Витька не слышал. Он шел, уткнувшись взглядом в асфальт, и Саша знал, что эта обида – не на Женьку, а на него. Сердце сдавило тяжелым, тошнотворным комком вины. Саша потянулся было к другу, но в последний миг рука его замерла в воздухе, будто наткнувшись на невидимое стекло. Он не решился коснуться его плеча, сжал пальцы в кулак и спрятал руку в карман.

Света, словно уловив эту неловкую паузу, ободряюще улыбнулась Саше, а затем ускорила шаг, чтобы догнать Витю. Она что-то тихо начала ему рассказывать – о чем-то своем, обыденном, может, о новой книге или о глупом анекдоте, услышанном на танцах. И Саша, идущий чуть сзади, видел, как под ее тихими словами напряжение в Витиных плечах понемногу ослабевало. Света не старалась его утешить – она просто была рядом, заполняя тягостную пустоту между ними своим спокойным присутствием. И это, как понял Саша, работало куда лучше любых его извинений.

Глава 2

Сбой настроек

Следующие несколько дней после игры Саша старательно пытался забыть произошедшее. Жгучий стыд от того, что он в очередной раз подвел друзей, притупился быстро – быстрее, чем, наверное, должен был. Воспоминания же о тени в переулке и шипящем радио Саша решил списать на игру воображения, усталость и, конечно, побочки от таблеток, которые приходилось глотать каждое утро под бдительным взглядом матери.

Но игнорировать странности, что начали происходить вокруг, оказалось намного труднее. Они вползали в жизнь медленными, назойливыми деталями, все сильнее расшатывая Сашино спокойствие.

Начался седьмой год Сашиных страданий в школе. Но ничего особо не изменилось. Он все так же сидел за последней партой у окна, все так же носил в портфеле завернутые в газету бутерброды, потому что в столовой ему было неловко подходить к раздаче под десятком любопытных взглядов. С ним не враждовали открыто – его лениво игнорировали.

Заметнее всего это было видно в мелочах. Например, во вторник, на перемене после математики. Учительница, Татьяна Владимировна, только что вернула проверенные самостоятельные работы. Возле стопки работ сразу образовалась толпа: всем хотелось узнать свои оценки. Сравнить с другими, посетовать, позавидовать. Саша не лез – знал, что его все равно не пропустят. Он терпеливо стоял с краю, надеясь, что вскоре поток детей схлынет и он тоже сможет забрать свою тетрадь.

Но дети продолжали толпиться, бурно обсуждая оценки. Каждый, кто пробивался к столу забрать свою работу, по пути случайно задевал его плечом, оттискивал локтем, наступал на ногу.

– Дай пройти! – грубо отпихнул его одноклассник, даже не взглянув, кто попался под руку.

Саша отступил. Его место тут же заняла девочка с двумя косичками, активно жестикулирующая подруге. Он попробовал подойти с другой стороны, но две бойкие девочки, выскочив из толпы, тут же чуть не сбили его с ног – и даже не обернулись.

Саша попятился. Теперь он стоял, прижавшись спиной к стене, и смотрел, как толпа у стола постепенно редет. Наконец остались только он да пара самых незаметных девчонок, которые, как и он, ждали, когда все утихнет. Кира, Витька и Света учились в других классах, параллельных, так что в этот раз защитить его было некому.

Когда последние ученики разошлись, Саша сделал робкий шаг вперед. Татьяна Владимировна, закрыв журнал, подняла на него глаза.

– А, Колосов. Ты чего ждал? Бери свою. – Она протянула ему тетрадь. На обложке красовалась жирная четверка. – Молодец, хорошая работа. Но в одном примере все-таки ошибся. По невнимательности, наверное?

Саша взял тетрадь, кивнул и, развернувшись, пошел к выходу. По пути пара старшеклассников, обсуждая вчерашний футбол, со всей силы пихнули его в стену. Саша едва успел выставить руки, чтобы не впечататься лицом. Казалось, он был не участником, а лишь наблюдателем собственной жизни. Кем-то вроде призрака в школьных коридорах – все знали, что он есть, но предпочитали смотреть сквозь него. Мир вокруг был громким, ярким, плотным, а он существовал здесь лишь как сгусток тишины и неловкости.

Возможно, именно благодаря столь привычной тишине Саша первым начал замечать странности. Пару дней спустя, на уроке физики, когда учительница включила старенький фильмоскоп, тот вместо ровного гула издал тонкий, пронзительный писк, от которого весь

класс страдальчески скривился. Учительница вздохнула, пробормотала что-то, постучала по аппарату – писк стих. Но Саша продолжал его слышать.

Едва уловимый, похожий на комариный звон, слышимый совсем на границе восприятия, он проникал прямо в мозг. Саша зажал ладонями уши, но это не помогало – звук как будто стал только громче, освобожденный от внешних помех. Он стих только к обеду, когда измученный Саша ушел из школы с головной болью.

Дома обстановка тоже накалялась. Отец, который и раньше приходил с работы уставший и немногословный, теперь почти всегда задерживался допоздна. Он часто хмурился, позволяя глубокой вертикальной складке разрезать лоб, и под его глазами пролегли темные тени.

Однажды вечером, увидев, как Саша машинально трет виски, отец остановился на пороге его комнаты.

– Голова болит? – спросил он, и в его голосе, сквозь усталость, пробилась знакомая, но сейчас пугающая нота – отец-ученый, оценивающий симптом.

– Да, немного, – пробормотал Саша.

– Ты таблетки регулярно пьешь? – Взгляд отца стал пристальным. – Их нельзя пропускать. Особенно сейчас. Надо пить чаще, чтобы голова не болела. Понял?

В этих словах не было отеческой заботы – это была инструкция. Четкая, жесткая, без права на обсуждение. Саша кивнул, чувствуя, как комок непонятной обиды подкатывает к горлу.

Сам отец от робких вопросов Саши отмахивался, а если и отвечал на них, то односложно: «Работа, сложный проект». А потом шел мыться. И звук льющейся воды доносился из-за двери так долго, словно он пытался смыть с себя не только грязь и пыль, но и что-то другое, засевшее глубоко под кожей. Может быть, усталость. Может быть, тревогу.

Старая «Ригонда» отца, обычно настроенная на новостную частоту, теперь часто ловила помехи. Во всяком случае, Саша, проходя мимо отцовского кабинета, слышал не голос диктора, а только белый шум, изредка прерываемый щелчками и обрывками чьих-то непонятных фраз.

Он замечал не раз и не два, как мама, накрывая на стол, иногда останавливалась и прислушивалась к этому шипению. Озабоченное выражение ее лица уже стало почти привычным. Но она ничего не спрашивала у мужа: видимо, не хотела мешать или боялась услышать ответ.

Однажды вечером, когда отец в очередной раз задержался на работе, Саша заперся у себя. Взял собственный самодельный приемник, над которым корпел все лето. Потянулся к ручке настройки. Он медленно крутил ее, пропуская знакомые веселые мелодии и помехи между частотами. Потом что-то щелкнуло, и незнакомый мужской голос торопливо заговорил на иностранном языке. Саша, испугавшись, поспешно крутанул дальше – и замер. На одной из частот появилась музыка. Незнакомая, медленная, тягучая, без какого-то четкого ритма, она не играла – она существовала сама по себе. Негромкий звук будто проникал не в уши, а прямо в голову, в сердце, заставляя его сжаться от ощущения чего-то далекого и неизведанного, чего-то большего, к чему Саша совершенно случайно прикоснулся.

А потом, так же незаметно, как и появилась, музыка стала угасать. Звуки растворялись в тишине, и Саша, очнувшись, вышел из оцепенения. Он поспешно схватился за ручку частот, пытаясь снова наткнуться на эту странную музыку, но так и не смог найти ее.

Даже вечерние прогулки с псом Рексом, всегда спокойные и расслабленные, теперь превратились в настоящие испытания. Обычно послушный и флегматичный, Рекс стал нервным: вздрагивал от каждого резкого звука, то и дело останавливался, принимая носом воздух и уставившись в пустоту – в темный проход между гаражами, в заросли бурьяна у забора, в зияющий проем заброшенного дома. Однажды он с такой силой рванул вперед, что Саша едва устоял на ногах. Пес немного протащил его и оглушительно залаял, натянув поводок до предела.

Рекс не сводил глаз с темной чаши. Шерсть на его холке стояла дыбом, напряженные лапы подрагивали. Пес вытянулся как струна, готовый сорваться с места в любую секунду.

– Тихо, Рекс! Там никого нет! – Саша потянул поводок на себя, чувствуя, как бешено бьется сердце.

Но пес не сдвинулся с места. Он не унимался, продолжая лаять и периодически переходя на рык, пока Саша не оттащил его. И, когда пес немного успокоился, Саша, не удержавшись, оглянулся сам.

В чаше царила непроглядная тьма. В горле пересохло. Как он мог утверждать, что там действительно никого нет? Рекс не стал бы лаять просто так. Подсознание сразу услужливо подсунуло образ: густая, неподвижная тень с длинными костлявыми руками, чуть более черная, чем окружающая темнота, смотрит прямо на него, наполовину скрывшись за деревом.

Саша помотал головой и отвернулся. Ерунда это все. Рекс просто учуял белку, а у него у самого воображение разыгралось.

Лучшим способом отвлечься была музыка. Не та призрачная, неестественная, пробирающая до мурашек, а настоящая, живая, записанная на пленку. В пятницу Витька раздобыл кассету с новым альбомом легендарной группы «Кино», и все тут же загорелись желанием послушать новинку вместе.

Собраться решили у Витьки – его родители, как обычно, были «в загуле», и пустая квартира стала идеальным штабом. Хотя для Саши это место всегда ассоциировалось со странной смесью свободы и горечи. Свободы – потому что шуметь можно было сколько захочешь. Горечи – потому что в углу кухни часто теснились пустые бутылки, и от одного взгляда на них у Саши сжималось сердце.

Компания собралась быстро. Витька, не скрывая довольную улыбку, возился с кассетным магнитофоном. Кира листала свежий номер журнала «Ровесник», а Света сидела на подоконнике, обняв колени и глядя на улицу. Она выглядела какой-то неожиданно усталой. Саша пришел с Рексом и пристроился на краю продавленного дивана. Верный пес сел у его ног, послушно подставляясь под руку хозяина, но все равно настороженно водил ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.